

Буторин Геннадий Геннадьевич

доктор психологических наук,
профессор кафедры теоретической
и прикладной психологии
Челябинского государственного
педагогического университета

Крыжановская Надежда Васильевна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теоретической
и прикладной психологии
Челябинского государственного
педагогического университета

ДЕФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ ПРИ МИГРАЦИИ

Аннотация:

В статье представлены результаты исследования изменений структуры и психологического здоровья русскоязычных семей, оказавшихся в условиях вынужденной миграции. Описаны четыре модели психологических отношений родителей и детей до миграции. Анализ отрицательных последствий миграции позволил выделить три группы исследуемых семей. Сделан вывод, что нарушение социально-психологических условий и психологического здоровья семьи повлияло на ее структуру и систему воспитания фатальным образом, но степень деформации во многом определялась прежней готовностью семьи к стрессу социальных изменений и качеством внутрисемейного взаимодействия.

Ключевые слова:

адаптация, русскоязычная семья, семейная система, модель семьи, психологическое здоровье семьи, миграция, стиль воспитания.

Butorin Gennady Gennadyevich

D.Phil. in Psychology,
Professor,
Theoretical and Applied Psychology Department,
Chelyabinsk State Pedagogical University

Kryzhanovskaya Nadezhda Vasilyevna

PhD in Education Science,
Assistant Professor,
Theoretical and Applied Psychology Department,
Chelyabinsk State Pedagogical University

DEFORMATION OF FAMILY STRUCTURE IN THE CONDITIONS OF MIGRATION

Summary:

The article presents the results of the study of changes in the structure and psychological health of Russian-speaking families in the circumstances of forced migration. The authors describe four models of psychological relations between parents and children before the migration. The analysis of negative consequences of the migration allowed the authors to distinguish three groups of families under consideration. It is concluded that the violation of social and psychological conditions and psychological health of the family affected in the negative way its structure and the principles of upbringing, but the degree of deformation is determined in many respects by the prior readiness of the family to get under the stress of social changes and the quality of intrafamilial communication.

Keywords:

adaptation, Russian-speaking family, family system, family model, psychological health of a family, migration, style of upbringing.

Введение. Вопросы социально-психологической адаптации стоят сегодня достаточно остро. Нарастающий темп политических, экономических, культурных, социальных и других изменений требует от индивида совершенного владения стратегиями адаптации. В свою очередь, динамика развития общества сегодня такова, что миграционные процессы получают все более широкое значение с каждым днем во всем мире, и в частности в России.

Россия, на сегодняшний момент занимающая второе место по числу мигрантов (после США), пока не сформировала объективных социально-экономических условий для их полноценного приема. Институт миграции, существовавший в советский период, оказался неадекватным тем миграционным процессам, которые произошли после распада СССР. Послеперестроечная либерализация и демократизация общества, процессы обособления и самоопределения в бывших советских республиках вызвали к жизни новые, непривычные виды миграционных процессов [1; 2]. Сейчас происходит становление института миграции нового времени, поэтому актуальность исследования проблем, связанных с миграцией, достаточно очевидна.

Как отмечают социальные дисциплины, современное состояние миграционных процессов в Российской Федерации уникально по сравнению с другими странами. Являясь правопреемником СССР, Россия, изначально не имея для этого реальных экономических возможностей, взяла на себя обязательство принимать всех бывших советских граждан, желающих иметь российское подданство. Начиная с 1992 г., согласно официальной статистике Федеральной миграционной службы России, по разным причинам (национальная дискриминация, политические и, особенно в последние годы, экономические причины) в Россию из различных регионов постсоветского пространства переселилось более 7 млн человек, нуждающихся в полноценном жилье, новых рабочих местах, социальных льготах, образовании и т. д. [3]. При этом надо понимать, что адаптация –

процесс двусторонний и эффективность этого процесса зависит в том числе и от образа той социальной среды, к которой адаптируется индивид [4; 5]. Поэтому так важно снизить уровень возникающей в настоящее время социальной напряженности между вынужденными мигрантами и местным населением, сформировать адекватные и позитивные образы друг друга.

Материал и методы исследования. Полидисциплинарной группой специалистов, в которой участвовали педиатры, детские неврологи и психиатры, школьные психологи, логопеды, дефектологи, а также специалисты по социальной работе, была изучена динамика психологического здоровья 121 семьи русскоязычных мигрантов из бывших советских республик, главным образом из Средней Азии и Казахстана, в условиях миграции. В процессе работы в группу изучения добавились семьи беженцев из юго-восточных областей Украины, которые по своим параметрам не нарушали репрезентативность выборки, поэтому также были включены в исследование. Арсенал методов включал комплекс анамнестических, клинических, клинико-психологических методов, а также структурированное интервью и опросники для детей и их родителей.

Выяснилось, что из-за неготовности административных районов, куда переселялись семьи, они попадали в сложные и нередко кризисные социально-психологические условия со всеми вытекающими отсюда последствиями. От того, как складывались ее внутренние взаимоотношения и общение, какой воспитательный потенциал имела семья (а такой потенциал определялся прежде всего структурой семьи, социальным, материальным и образовательным статусом родителей), зависело психическое состояние ребенка, его адаптационные возможности, которые подвергались нелегким испытаниям в новой обстановке. Кроме того, был проанализирован характер семейного общения и стиль взаимоотношений родителей и детей в данной группе как до миграции, так и в изменившихся социально-психологических условиях.

Результаты. Полученные результаты свидетельствуют о том, что до миграции в большинстве случаев можно было констатировать вполне приемлемые, адекватные условия и стиль воспитания, которые характеризовали семью как стабильную и благополучную. Оценивая ретроспективно все позитивные психологические отношения родителей к детям в этих семьях, составивших 87,7 % от общего числа, мы условно выделили несколько их моделей.

В первой модели отношения характеризовались гибким, поддерживающим и «разумно дозволяющим» поведением родителей, когда они легко и «особо не задумываясь над этим» приспособлялись к потребностям ребенка. Такая семья для детей была тем местом, где они находили любовь, понимание и поддержку, чувствовали себя защищенными и могли искать новые пути для «исследования и развития». Родители были последовательны в своих требованиях, а в воспитательных приемах практически отсутствовали элементы давления и принудительного форсирования опережающих навыков у детей. Элементы необходимого контроля не были жесткими и мелочными, а система запретов и поощрений была оптимально сбалансирована. Такая ситуация «контролируемой свободы», когда родители безошибочно и своевременно реагировали на потребности ребенка, стимулировала его к проявлению самостоятельности, инициативы, формировала уверенность в своих силах, адекватную самооценку, а значит, и большую стойкость к социальным стрессогенным воздействиям. Стабильность отношений, которую семья сохраняла при различных неблагоприятных воздействиях, и сформированная семейная идентичность позволяли детям чувствовать ее единство и целостность, когда отпадает необходимость противопоставления «Я» ребенка и «Мы» семьи. Формирующиеся в этих условиях характерологические особенности детей соответствовали больше пониманию их как стеничных, самостоятельных, инициативных, с высоким уровнем адаптационных возможностей [6; 7]. Такой характер отношений и воспитательных подходов был выявлен в 29,8 % случаев и позволил определить данную модель как «функционально-самодостаточную».

Вторая модель также подразумевала вполне успешную адаптацию родительского поведения к потребностям ребенка, но уже сопровождавшуюся определенным осознанным контролем, когда для достижения «включенности в проблемы детей» необходимо было приложить старание, чтобы вникнуть в его переживания. Не всегда успешная реализация такого стремления вносила во внутрисемейную коммуникацию некоторое напряжение и недостаток спонтанности, непосредственности. Несмотря на то что в такой воспитательной ситуации ребенок находился в центре внимания, его «личная свобода» подчинялась довольно твердой регламентации. Избыточное опекуновство родителей выражалось в категоричности их позиций, требований, в тенденциях навязать свое мнение и готовые решения, а заведенные в доме порядки и правила подлежали неукоснительному выполнению. Строго контролировалась система запретов и поощрений, а чувство идентичности семьи не было «завершенным», что проявлялось в ситуативных внутренних противопоставлениях ребенком чувств «Я» и «Мы». Стремление к строгой дисциплине и некоторое ограничение самостоятельности определяли характерологические особенности таких детей: они были общительны, с потенциальными лидерскими способностями, но при этом обнаруживали

присутствие эмоциональной неустойчивости, не влияющей, однако, на формирование адаптационных механизмов. Данные отношения и система воспитания были выявлены у 21,9 % семей, которые более всего соответствовали определению «*функционально-ригористической*» (лат. *rigor* – строгость, соблюдение правил, нравственности, предписаний модели).

В третьей модели (20,3 %) родительское внимание к проблемам детей было несколько ограниченным. Основу их заботы составляло больше заостренное чувство долга, обязанности, повышенной принципиальности (гиперсоциальность), что характеризовало определенную «заданность» в отношениях с детьми. Недостаточный уровень педагогической компетентности родители стремились восполнить сведениями, полученными на различных просветительских лекциях либо из средств массовой информации (газеты, журналы, телевидение, радио, Интернет). Это приводило к тому, что единый родительский воспитательский стиль не был сформирован и зависел от тех рекомендаций, которые они считали наиболее приемлемыми. К каждому новым полученным сведениям внимательно прислушивались, что могло поменять стиль воспитания, который при этом почти всегда носил сентентнозный характер. В определенных ситуациях родители демонстрировали амбивалентность отношений и их разноплановость. Система запретов и поощрений существовала, но была часто противоречивой. Идентичность данных семей характеризовалась существенным противопоставлением «Я» и «Мы», что значительно снижало их стабильность и способность противостоять дестабилизирующим воздействиям, в которых решения, принимаемые родителями, часто носили противоречивый характер. В данной модели можно было наблюдать формирование как стеничных, так и астеничных радикалов у детей. Дети со стеничными чертами характеризовались активностью, общительностью, хорошими эмоциональными контактами, во всех своих поступках руководствовались определенными правилами и принципами. При астеничных чертах преобладали робость, замкнутость, тревожность, повышенная впечатлительность, легкая ранимость. Таким образом, интегральные характеристики, отражающие качественную сторону социального и психолого-педагогического функционирования семьей данной модели, дали основание обозначить ее как «*функционально-конформистскую*» (лат. *conformism* – подобный, соответствующий, стремление к единомыслию).

В четвертой модели (15,7 %) поведение родителей не всегда носило последовательный характер. Ограниченность воспитательных ресурсов нередко обуславливало их непоследовательные поступки и требования, которые не всегда были сопоставимы с возрастными возможностями детей, что влияло на доверительность их взаимоотношений. Родители в таких семьях стремились направлять развитие ребенка в соответствии с собственными представлениями в ущерб его реальным потребностям. Чрезмерный контроль объяснялся постоянной тревогой по поводу возможных опасностей, неудач, от которых следовало оградить ребенка. В таких семьях обнаруживалась склонность к проявлению индивидуализма, что затрудняло выделение в ней явного лидера. Внешние связи выглядели несколько ограниченными, редко устанавливались новые знакомства и взаимоотношения, при этом охотно и регулярно поддерживались связи с родственниками и близкими друзьями. Отдых и развлечения чаще ограничивались семейным кругом (семьей ходили в кино, театр и т. д.). Необходимость расширения социальных контактов могла сопровождаться социально-психологическим напряжением. Всегда были внимательны к мнению окружающих и «старались, чтобы их дети выглядели не хуже других». Идентичность и стабильность такой семейной системы, ее толерантность к неблагоприятным социально-стрессовым воздействиям оценивалась как самая низкая из всех моделей. В атмосфере такого внутрисемейного функционирования у детей формировались астеничные черты личности. Им были присущи беспокойный сон, плохой аппетит, повышенная тревожность и сенситивность, что снижало их психическую адаптивность и стрессоустойчивость в психогенных условиях. Такие обобщенные показатели как сниженная толерантность к социальным изменениям, ограниченный и ригидный характер социально-психологического функционирования, подверженность деструктивным воздействиям и т. д. позволяли рассматривать данную модель как «*функционально-реверсивную*» (лат. *reversus* – обратный, здесь: у которых можно изменять направление).

Если первую модель можно было рассматривать как создающую достаточно здоровые отношения в семье и гармоничный стиль воспитания, то в трех других прослеживались некоторые отрицательные акценты, характер которых создавал потенциальный риск нарушений психологического здоровья семьи в неблагоприятных условиях. Вместе с тем в прочных стабильных социальных условиях, в которых дети чувствовали себя комфортно, а родители были уверены в социальной защищенности, семьи этих трех моделей демонстрировали полную социальную адаптированность. Как представляется, мы имели дело со своеобразной акцентуацией семьи, которая при нормальном, достаточно высоком уровне жизнедеятельности отличалась определенным несовершенством психологического взаимодействия. Эти недостатки, как правило, проявлялись лишь в семье, обнаруживались только в определенных условиях и не препятствовали нормальному социальному

функционированию. Подобные акцентуированные семьи с полным основанием могли рассматриваться в рамках нормы. Таким образом, учитывая проанализированный выше комплекс социально-психологических характеристик, о первой модели можно сказать, что она образует тип семей, который можно обозначить как «*благополучный – психологически устойчивый*», соответственно следующие три образуют «*относительно благополучный – акцентуированный*» тип.

Оценивая представленные выше модели семей как «благополучные», нельзя не отметить значительную вариативность в проявлении этого благополучия. Анализ наблюдений показал, что различная степень психологической устойчивости определяет и потенциальные возможности семьи противостоять неблагоприятным воздействиям, сохранять свою идентичность, стабильность и функциональную полноценность. Исходя из этого и опираясь на опыт практической работы, представляется целесообразным выделение шкалы успешности социально-психологического функционирования семей, предусматривающей постепенный переход их от стабильно благополучных моделей к моделям акцентуированным и далее к моделям с нарушенной, патологической, дисфункциональной структурой. Такая многоуровневая шкала позволила бы не только более четко отразить степень адаптационных возможностей каждой семьи, но и определить риск возникновения дестабилизации или нарушения ее структуры. Данный подход ставит под сомнение правомерность устоявшегося понимания «благополучия» и «неблагополучия» семьи как статичных, неизменных, фиксированных состояний. В то же время восприятие их как непрерывного динамического процесса в континууме «благополучие – неблагополучие», который отражает качество функционирования семьи, ее толерантность к патогенным воздействиям и уровень адаптационных возможностей было бы более целесообразным для адекватной оценки той или иной модели семьи.

Как свидетельствует проведенное исследование, постепенное падение уровня жизни, отсутствие или несовершенство национального законодательства в области защиты основных прав и свобод граждан в тех странах, где проживали изученные семьи, создавали возможность дискриминации по признаку национальности, вероисповедания, языка. Это в значительной мере способствовало принятию решения о вынужденном переселении. При этом в 38 наблюдениях (65,5 %) семьи принимали решение взвешенно, по возможности заранее, подготовив условия на новом месте жительства (работа, жилье и т. д.). Более того, 12 семей (20,7 %) были приняты близкими родственниками, которые оказали им временную поддержку. Другие 20 семей (34,5 %) были вынуждены покинуть дом в ограниченные сроки, продав имущество по заниженным ценам и не имея ясной перспективы жизни на новом месте. Во всех случаях все семьи в тот момент попадали в более или менее выраженную ситуацию социально-психологического кризиса.

Логично было предположить, что глубина нарушения функционирования в новых условиях будет определяться изначальным потенциалом семьи (степенью прежней гармоничности), тяжестью трудностей, с которыми они столкнулись, и продолжительностью переживаемого критического периода. Выделенные основные показатели представляются очень важными для понимания того, что семьи и в «неблагополучной» оси континуума располагаются динамично и не могут быть жестко фиксированы. Степень неблагополучия в данном случае определялась глубиной ущерба и лишений, которые несла семья, попав в неблагоприятные условия. Исходя из вышесказанного, мы попытались проанализировать эти отрицательные последствия. Согласно всем полученным определениям, которые адресовались к таким семьям, можно было сформулировать их общие основные черты.

Семьи, структура которых после миграционной трансформации стала наиболее аномальной, понесли наибольший урон во всех отношениях. В них стремительно нарастало как социальное, так и эмоциональное напряжение, которое легко передавалось детям. Невозможность справиться с массой проблем приводила к постоянным конфликтам, в которые вовлекались дети. После обращения в различные службы и к их работникам – при отсутствии улучшения жизни – у родителей возникало чувство безнадежности, снижалось настроение вплоть до депрессий, а в семье падала дисциплина, терялась способность к конструктивным действиям. Нередко происходило и морально-нравственное падение с полной дисгармонией и педагогической несостоятельностью, а дети страдали от многообразных лишений. Гнев нередко сопровождался актами физического, вербального насилия, выкрикивались оскорбительные и непростительные слова. Дети, как правило, были свидетелями таких конфликтов, испытывали чувство растерянности, заброшенности. Именно среди них появлялись семьи конфликтные, асоциальные, с наркологическими проблемами. Как представляется, характеристика таких семей ближе всего стояла к пониманию их как *деструктивных* (лат. destruction – разрушение, нарушение нормальной структуры чего-либо) (25,9 %). Эту группу, как правило, составляли семьи, которые трансформировались из функционально-реверсивных и функционально-ригористических моделей, а также и прежде бывших благополучными.

Другая модель аномального семейного положения сопровождалась существенными изменениями непосредственно структуры семьи. В этих случаях родители не сумели совместно преодолеть многообразие трудностей. Они лишались способностей слушать друг друга и адекватно реагировать на взаимные просьбы и желания. Чаще всего это было следствием высокого уровня эмоционального напряжения, раздражения по отношению друг к другу, что разрушало взаимные контакты и достаточно быстро приводило к разрыву. Наблюдался и другой характер аномальности, когда детей при переезде на длительное время оставляли у бабушек и дедушек, «пока все не устроится». Этот прием чаще использовался в неполных семьях одинокой матерью. Он оказывался малоперспективным, так как дети надолго выпадали из-под родительского контроля. После стабилизации жизненной ситуации возвращенные в семью дети оказывались либо в неполной семье, либо с появившимся отчимом. Лишившись прародительского внимания, заботы и определенной системы воспитания, ребенок мог столкнуться либо с условиями отвержения, либо с завышенными требованиями. Возникали переживания утраты родительской любви, помощи, ожиданий. Потери сопровождались снижением доверия, беспокойством, тревогой, неумением устанавливать контакты, обидой на родителей. В рамках подобных трансформаций семейной атмосферы находились чаще всего разведенные и разводящиеся семьи, неполные, семьи с деформированной структурой. Они достаточно обосновано определялись как *диссоциированные* (лат. dissociatio – разъединение, разделение) (27,6 %). В этой группе аномальной структуры чаще можно было наблюдать семьи как уже бывшие неблагополучными, так и функционально-ригористические и функционально-конформистские ранее.

К самостоятельной модели были отнесены семьи, в которых тягостный переходный период сопровождался высоким напряжением всех семейных функций. Тяжелому испытанию подвергалось семейное взаимодействие. Первые трудности обустройства, с переживанием определенной изоляции и недопониманием, нередко представлялись почти нерешаемыми. Некоторое снижение социальной компетентности, неоправданность надежд и устремлений действовали дестабилизирующим образом. Вместе с тем относительная согласованность взаимодействия, аутентичность отношений и поддержка членов семьи друг другом в большинстве случаев предопределяли характер нарушений, связанных с тяжелыми последствиями миграционного периода. Чем труднее была жизненная ситуация, тем больше в семье росло напряжение, тревога, чувство вины, ответственность за неудачу и опасные негативные взаимодействия. При этом дети попадали в конфликт между ценностями семьи и новыми социальными требованиями и установками. Эмоциональная напряженность воспитательной функции приводила к эмоциональному ущемлению детей. Эти семьи можно было определить как *декомпенсированные* (30,2 %), которые в основном оказались представлены в прошлом функционально-самодостаточными и функционально-ригористическими. Несмотря на переживаемый стресс социальных изменений, большинство таких семей стремилось общими усилиями преодолеть трудности и выйти из сложившейся ситуации с наименьшими потерями. Успех достигался быстрее, если такой семье была оказана своевременная морально-психологическая поддержка, особенно со стороны родственников.

Успешнее всего проходили миграционный период и стабилизацию жизнедеятельности семьи функционально-самодостаточной модели. Они увереннее справлялись с возникающими проблемами, что было типично для любой семьи, столкнувшейся с переменами и переживаниями, которые приносила в жизнь миграция (16,3 %).

Выводы. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что нарушение социально-психологических условий и психологического здоровья семьи в результате миграции может фатальным образом повлиять на ее структуру и систему воспитания. При этом степень деформации будет во многом определяться прежней готовностью семьи к стрессу социальных изменений и качеством внутрисемейного взаимодействия.

Ссылки:

1. Буторин Г.Г. Школьная дезадаптация и «педагогическая запущенность»: взгляд с полипрофессиональных позиций // Психолого-педагогические проблемы этической психологии : материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Шадринск, 8–10 апреля, 2003. Шадринск, 2003. С. 113.
2. Буторин Г.Г., Буторина Н.Е. Донозологические психические состояния депривационного генеза в детском возрасте. Челябинск, 2007. 366 с.
3. Выступление директора ФМС России О.К. Ромодановского // Итоги деятельности ФМС России в 2011 г. : сб. материалов расширенного заседания Коллегии Федеральной миграционной службы. М., 2012. С. 18.
4. Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 92–100.
5. Дмитриева Т.Б., Иммерман К.Л., Мухамадиев Д.М. О факторах социально-психологической дезадаптации беженцев в местах их временного пребывания // Рос. психиатр. журн. 2000. № 6. С. 53–56.
6. Буянов М.И. Ребенок из неблагополучной семьи. М., 1988. 207 с.
7. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений : курс лекций. М., 2000. 512 с.

References:

1. Butorin, GG 2003, 'School maladjustment and "educational neglect": a view from Multiprofessional position', *Psychological and pedagogical problems of ethical psychology: Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference, Shadrinsk, April 8-10, 2003*, Shadrinsk, p. 113.
2. Butorin, GG & Butorina, NE 2007, *Prenosological mental states of deprivation genesis in childhood*, Chelyabinsk, 366 p.
3. 'Statement by the Director of FMS of Russia DC Romodanovskiy' 2012, *Results of the FMS of Russia in 2011: materials of expanded board meeting of the Federal Migration Service*, Moscow, p. 18.
4. Ball, GA 1989, 'The concept of adaptation and its implications for the psychology of personality', *Questions of psychology*, no. 1, p. 92-100.
5. Dmitrieva, TB, Immerman, KL & Muhamadiev, DM 2000, 'Factors of social and psychological maladjustment refugees in their places of temporary residence', *Russian psychiatrist journal*, no. 6, p. 53-56.
6. Buyanov, MI 1988, *A child from a dysfunctional family*, Moscow, 207 p.
7. Schneider, LB 2000, *Psychology of family relations: a course of lectures*, Moscow, 512 p.